

„ЧУДАК“

В хранилище Кисловодского музея Н. А. Ярошенко мы любуемся одним из самых ценных приобретений — портретом М. Е. Салтыкова-Щедрина. Историю находки и покупки этого портрета — его много десятилетий никто не видал в подлиннике — рассказывает Владимир Вячеславович Секлюцкий, директор музея, его создатель, его «душа». Много усилий нужно было, чтобы отыскать это затерявшееся полотно, много умения и такта, чтобы получить от прежней владелицы. Недаром Стасов восхищался портретом: так такую повесть о Щедрина мог поведать через внешний облик только родной ему по духу художник-демократ Ярошенко. Посмотрев самые недавние приобретения музея — их более ста — и о каждом рассказана целая новелла о поиске, — мы с Владимиром Вячеславовичем идем в музейные залы к другим подлинникам Ярошенко. Они демонстрируются впервые, в этом музее: прежде были разбросаны по частным коллекциям. До сих пор по известнейшим полотнам «Заклученный», «Всюду жизнь» мы знали Ярошенко лишь как родоначальника революционной темы в живописи, художника манеры строгой и суховатой, а тут он во всем многообразии своего художественного дарования, солнечный, живой, остроумный в рисунках-шаржах, влюбленный в природу и людей Кавказа. Пока директор и основатель музея показывает картины и вещи, принадлежавшие Ярошенко и его соратникам, приходит мысль: среди всего, что мы видим здесь, сам Владимир Вячеславович, человек дней сегодняшних, по свойствам духовным и делам стоит, пожалуй, не меньшего внимания.

Менее десяти лет назад музея тут не

В МИРЕ
ПРЕКРАСНОГО

было. На грязноватой террасе, где некогда звучали голоса Шаляпина, Собинова, Збруевой, где стояли мольберты Нестерова, А. Васнецова, Куинджи и самого хозяина дачи, террасе, знакомой по картине «В теплых краях», шипели обывательские примусы жильцов. «Знаете ли, кто жил здесь прежде?» — женщина сердито буркнула: «Художник Ярошенко», — и хлопнула дверь: жильцы уже знали, что на обжитой ими дом кто-то повел атаку, какой-то «чудак» хлопчет об устройстве тут музея. «С жильем было туго, надеялись: не выселят! Но «чудак» не прекращал хлопоты.

А началось все так. Высокий, худой и стремительный, астраханец, художник-маринист Владимир Секлюцкий, приехав на жительство в Кисловодск после демобилизации, проходил по запущенному скверу на месте бывшего собора. Мелькнул среди кустов какой-то невысокий памятник. Нагнулся, прочел надпись и охнул: это была надгробная плита художнику-демократу Н. А. Ярошенко. Творчество его наш герой знал сызмала, особенно дорог был «Кочегар»: картина напоминала ему годы, когда мальчишкой кочегарил на пароходах, чтобы не расставаться с морем, которое любил безмерно, которому отдал творчество потом, ставши художником... «Всюду жизнь», «Заклученный», «Курсистка», «Студент»... А за памятником гоготали

пьяные, и мусору вокруг была куча. Художник пьяных отогнал, пристыдив, из веток соорудил веник, подмел вокруг, убрал и направился в горсовет: как можно в таком небрежении содержать могилу художника! Там оправдывались: после войны еще беспорядок! Узнал о Кисловодском периоде жизни художника-демократа, опрашивал старожилов, узнал, что распоряжением Ленина в 1918 году в Кисловодске открыли музей и почтили праздником-митингом память Ярошенко, а потом белогвардейцы музей разрушили и из Кисловодска постепенно уходила ярошенковская мемория — целая глава культурной истории города. Надо эту главу восстановить!

Четырнадцать лет по учреждениям плавали бумаги с ходатайствами его самого и замороженных его идей единомышленников — целый особый очерк можно написать о тех, кто ему помогали, — а по городам-курортам ходил слух: «Этот «сумасшедший» Секлюцкий занимается не своим делом — музей задумал, — пожимали плечами: — едва ли это удастся!». Даже доброжелатели не верили в успех. Верил в него он сам и ни разу не сложил оружие при неудачах. Однажды секретарь горкома протянул ему категорический отказ:

в министерстве предлагали ограничиться только мемориальной доской на доме художника.

— Ну, теперь-то ты угомнишься? — спросил секретарь.

Он не угомонился. Ездил в министерство сам, на собственные весьма скудные средства. Только в 1956 году ему первый раз в исполкоме дали командировочные бумаги и деньги для поездки в Москву. Первые приобретения для музея он тоже делал на свои деньги. Конечно, он был не одинок в хлопотах, но был их душой. Делу помогало еще и то, что с 1947 по 1956 годы — двенадцать лет! — художник-общественник избирался депутатом Кисловодского горсовета. Шесть лет был бессменным председателем постоянной комиссии культуры, с 1960 года — главным художником города. И сквозь всю эту

бурную деятельность проходит главная страсть его зрелых лет: восстановление памяти Ярошенко, осуществленное в воссоздании его усадьбы.

Когда были опубликованы воспоминания старой революционерки М. В. Фофановой, подтвержденные М. Л. Сулимовой, о Ленине, где они привели слова Ильича о Ярошенко, сказанные накануне Октября, обе старушки не подозревали, как окрылит такой прямой отзыв Ленина кисловодского художника-энтузиаста. Для пропаганды творчества Ярошенко как главы реалистов-передвижников он привлек и радио, и телевидение, и кино, объединяя вокруг благородной задачи десятки людей. Почему именно Ярошенко завладел думами советского художника? Прежде всего потому, что он был близок ему духовно. «Надо вывести искусство из тех замкнутых теремов, в которых оно было достоянием немногих, и сделать его достоянием всех», — эти слова Ярошенко стали как бы девизом Секлюцкого, убежденного в огромном воспитывающем значении прекрасного. В городах наших и санаториях хорошо знают высокого лектора. Не считаясь со временем, развернув рулоны репродукций, он рассказывает об искусстве, зная, веря — лучше сказать, веруя — в его облагораживающее влияние на человека.

Теперь его приглашают читать лекции в Полтаву — там родина Ярошенко, — Куйбышев, Казань, Луганск, на корабли Черноморского флота. В 120-ю годовщину со дня рождения Ярошенко, широко отмеченную на Украине, Секлюцкого пригласили в Киев, где он делал доклады для ведущих деятелей украинской культуры, с большим интересом принятые почтенной аудиторией. Но это все теперь, когда музей существует, когда он, его директор, издал книгу о Ярошенко. Вернемся к истокам.

* * *

Приказ по министерству культуры от 17 ноября 1959 года: «...Управлению культуры Ставропольского крайисполкома.

а) Организовать в Кисловодске дом-музей Н. А. Ярошенко...» Далее пункты о закупке для музея через экспертную комиссию произведений Ярошенко и его соратников-передвижников.

И вот опять прихожу на белую виллу. Она освобождена от жильцов. Идет капитальный ремонт. Пахнет свежими стружками, известью. На террасе, сидя на стремяночках, кисловодские художники братья Болдыревы и Поленов восстанавливали по эскизам бывшие росписи стены в «помпеянском вкусе». В первой комнате работающие пока что без оплаты сотрудники будущего музея примеривали скудную экспозицию, ее крупнейшими экспонатами были тогда несколько хороших копий с важнейших картин да панно в виде палитры, где было написано: «...Когда будем хозяйничать, чтобы не забыть. Такому человеку надо отдать дань. В. И. Ленин».

Во второй комнате — там еще делали пол — мне навстречу поднялся от мольберта с начатой картиной моря высокий худощавый человек. С шапкой еще не седых волос, с глазами, горевшими тревогой и восторгом, он напомнил мне беспокойную птицу, полную трепетного радостного возбуждения. Сходство довершала похожая на крыло большая волна на картине за его спиной. Размахивая длинными руками, он рисовал мне будущее «дома Ярошенко», показывал добытые им рисунки, мемориальные вещи художника, его мольберт, этюдник, «многоуважаемый» рояль семьи, на котором играл уже после смерти художника С. Рахманинов, сопровождали Ф. Шаляпина, Л. Собинову. Он был отыскан по царапине, о которой рассказывала бывшая домработница Ярошенко. Все эти «сокровища» тогда можно было пересчитать на пальцах обеих рук.

Старший инспектор Изоуправления Н. Н. Головин заявил небрежно: «Чтобы открыть музей, надо собрать 80% подлинников художника и только 20% иметь в копиях». Надо собрать! Это

только сказать легко, а ведь живописное наследие художника расплылось по частным коллекциям. Цепочкой пошли нужные для собирания знакомства. Что ни приобретение — то новелла. Многие «одаривали» рождающийся музей. Их имена Владимир Вячеславович приносит благоговейно. Но за некоторые вещи шла тихая деликатная дипломатическая борьба. Ярошенковед В.А. Прытков сообщил, что у невестки академика И. П. Павлова есть «Хор», картина, написанная в Кисловодске. Предупредили: владельцы картину не покажут, едва ли впустят в дом. Но, подумав «попытка — не пытка», собиратель все-таки позвонил в ленинградскую квартиру Павловых. Семья была на даче, Татьяна Николаевна, оставшаяся дома, после долгих просьб согласилась показать любимую картину покойного академика, но «только потому, что вы художник». Рассказал ей о своих мытарствах. Родственница задумалась: «Попробую уговорить дочь, чтобы дала вам «Хор» для временной экспозиции, хотя бы для открытия музея. Приходите завтра». В гостиничном номере всю ночь не спал, и едва стрелка указала назначенный час, робко позвонил, точно боялся отпугнуть надежду. Его ждали, даже пирог стоял на столе.

«Мы подумываем, не продать ли «Хор» вашему музею... — Он сделал усилие, чтобы не потерять сознание от счастья. — Когда нам о ваших поисках рассказали, мы представляли все это и вас самого совершенно иным». Он не понял тогда, как зажигателен был его энтузиазм! После долгих хлопот — денег на покупку не хватало — «Хор» теперь принадлежит музею. А когда картину повесили на стену, подошел старичок Подушинский, кисловодский старожил и, показав на мальчонку в розовой рубашечке среди других поющих детей, сказал: «А это я». Потом увидел репродукцию «Постреленка» и опять: «А это тоже я». И рассказал, как ребенком позировал здесь «доброму художнику» Николаю

Александровичу для этих картин. Старожилы Кисловодска очень помогали созданию музея. Тут тоже звено цеплялось за звено. Около ста предметов собрано в наших городах. Особенно теплое участие в организации музея приняла медсестра М. Ф. Сталь. Она вела аккуратную летопись возникающего музея. В юности она была арестована за революционную деятельность. М. П. Ярошенко взяла ее «на поруки». Мери поселилась в Кисловодске у приятелей и соседей Ярошенок Аглинцевых. Ныне покойная Е. Д. Аглинцева, пианистка, аккомпанировала здесь Шаляпину, Собинову. Обе женщины, как и другие современники, дали ценные для реставрации усадьбы указания. Собрав актив старожилов, В. В. поехал во Фрунзе к Н. Н. Трусовой, племяннице художника, получил от нее редчайшие фотографии, письма и ее собственные картины.

Неутомимость Секлюцкого объединяла десятки людей. Дочь ближайшего друга Ярошенко О. М. Нестерова вышивала шелком портреты Шаляпина, самого хозяина «белой виллы», великий Сергей Коненков передал музею сделанный в белом мраморе портрет великого передвижника, Русский музей подарил «новорожденному» палитру Ярошенко, Третьяковская галерея дала ряд картин для открытия.

Но все это доставалось нелегко! Каждый лоскуток, каждое полотно надо было не только отыскать, но и получить во владение! Нужен был такт, административное и прямо-таки дипломатическое умение. Самой верной «пробивной силой» служило огромное личное обаяние собирателя, секрет которого, видимо, в страстной любви к искусству, осведомленности и, главное, «одержимости». Он озарен, переполнен своей страстью, и в этом секрет его удач. Как правило, владельцы картин неохотно показывают свои коллекции и еще неохотнее расстаются со своими приобретениями. Но вот как бывало: один коллекционер разрешил посмотреть своего Ярошенко «ради книги», которую тогда Секлюцкий писал. Встретили его как человека, который может быть директором любого

другого учреждения. Владелец указал на стену: «Вот моя коллекция».

— Это Куинджи, это Васнецов, это...— говорил собиратель музея, почти не глядя на подписи, узнавая авторов по манере,— но Ярошенко я тут не вижу.

У владельца потептели глаза: эге, директор не по должности только, а по заслуженному праву. Впустил в другую комнату. А там в углу женский портрет. «Шестым чувством» движимый, направился к нему Секлюцкий и, хотя не видал прежде этого полотна, сразу сказал:

— А вот он, и ваш Ярошенко!

— Ну, коли сами его нашли, пусть он будет ваш,— сказал владелец, вздохнув, И теперь голубые чистые глаза пока еще не известной женщины озаряют теплом одну из музейных зал.

* * *

И вот приказ: «Директору музея Н. А. Ярошенко т. Секлюцкому. Открыть музей 11 марта 1962 года». На торжественном открытии огласили телеграмму бывшей соседки Ярошенок Аглинцевой: «Творческой волной поднят со дна морского большой корабль. Ему большое плавание. Вам всенародное спасибо!» В ту ночь, вероятно, впервые за 14 лет, Владимир Вячеславович спал очень спокойно.

Музею уже семь лет. Его посетили почти шестьсот тысяч. В залы трудно пробиться. Смотрят десятки картин-подлинников, созданных мастерами реалистического искусства, прежде известных только их частным владельцам, видят дом, бывший десятилетиями средоточием культурной жизни Кисловодска. Секлюцкий, когда не хватает экскурсоводов, сам рассказывает о подвиге художника. В книге отзывов писатели, художники и другие посетители оставляют сотни восторженных записей.

Почему Секлюцкому удалась задуманная им благородная, сформулированная самим Лениным задача «отдать дань» великому подвижнику русской реалистической живописи, родоначальнику революционной темы? Почему не отступил этот «чудак», почему всех убедил в нужности этого дела? Ответ на это в самой биографии Владимира

Вячеславовича: организатор! Организатор, — а потом и председатель астраханской АХРР, работник Рабпроса, организатор бесчисленных выставок, лектор, автор статей, пропагандирующих реалистический метод в живописи, художник-агитатор в армии, прекрасный строгий администратор. Недавно ему присвоено звание Заслуженного работника культуры РСФСР.

Ему исполнилось шестьдесят лет. Но впереди еще много работы. Главное — непрерывный поиск, накопление. Недавно он вернулся из поездки, в которой раздобыл для музея свыше ста работ русских и советских художников. Залы музея уже не вмещают его богатств. Надо отыскать картины Ярошенко за рубежом, надо точнее обрисовать контуры кавказских знакомств Ярошенко, нащупать прямые связи художника с революционным подпольем, надо работать над новой книгой о наследии Ярошенко. Надо! Надо! Уже выполнена главная неотложная организационная задача — получена в распоряжение музея вся бывшая усадьба художника, чтобы сгруппировать здесь художественные учреждения города. План новой усадьбы грандиозен. Его делала бригада архитекторов, которых он воспламенил своей страстью. Дом и старые флигели — один из них современник Лермонтова — восстановят, какими они были. Современное же оформление и строительство начнется от памятника Ярошенко в соседнем сквере и закончится торжественной лестницей в парк. Будет выстроен выставочный павильон. Не надо будет ехать в столицу, чтобы увидеть искусство лучших мастеров страны. Детская художественная школа будет размещена в самой усадьбе, как завещала некогда жена Ярошенко Мария Павловна, просветительница и демократка, бывшая невеста Некрасова. Читальный зал. Библиотека. Только такое осуществление проекта может быть достойной, по словам Ленина, «данью» советских людей памяти художника народного и близкого революции. Нужны средства для нового строительства?

Хороший хозяин Секлюцкий рассчитывает, что доход скоро окупит расходы по расширению усадьбы.

Работы масса, но он все успевает, потому что, по его словам, больше всего ненавидит душевную лень. «Я не знаю праздников,— шутливо говорит наш «чудак»,— и забыл, что такое встреча Нового года». И все-таки среди обязанностей администратора, коммуниста, общественника-пропагандиста художник находит «отдушину» для собственного творчества. И хотя поездки на этюды к морю почти всегда перерастают в «ярошенковские дела», он мчится «пописать водичку», которая для него, волжанина-астраханца, была первым ощущением прекрасного в мире. В прошлом году состоялась его персональная юбилейная выставка. Нетерпеливая этюдная живописная манера, по преимуществу ему присущая, особенно ярко показала, как первично, как первоначально ощущает прелесть морского пейзажа Секлюцкий-художник. Надо очень любить природу, чтобы так увидеть золотой удар неба по фиолетовым волнам, только глазу художника дано подсмотреть крохотные серебряные точки на тугой воде, чтобы она ожила, чтобы она запела. Его пейзажи-этюды сверкают. Они передают ощущение радости мира, счастья жить.

Быть художником — не только профессия. Это мировоззрение. Понятно, почему маринист Секлюцкий столько пылает в создание музея-усадьбы и целого художественного комплекса в Кисловодске. Он хочет, чтобы многие — нет, все! — научились жить в мире прекрасного, пробуждающего благородные идеи, высокие побуждения.

В начале борьбы за музей его называли чудачком. И правда: ведь «чудаки украшают мир»!

П. Гречишкин. Среди скал.

